

Путешествие ДЛИННОЮ В ДЕТСТВО

БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД ГЛАЗАМИ ЕГО ЖИТЕЛЯ

К ВЫХОДУ В СВЕТ ГОТОВИТСЯ ДВАДЦАТЫЙ, ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК ПРОЕКТА СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ФСБ РОССИИ ПО Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ «СЛЕДСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...». ОН ПОЛНОСТЬЮ ПОСВЯЩЕН 80-Й ГОДОВЩИНЕ ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА ОТ ФАШИСТСКОЙ БЛОКАДЫ. НАЧИНАЕТСЯ КНИГА С ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ЖИЛИ В ЛЕНИНГРАДЕ В ТЕ СТРАШНЫЕ ДНИ. ОДНО ИЗ НИХ ПРИНАДЛЕЖИТ ИВАНУ ЕГОРОВИЧУ МОРОЗОВУ, ПОЛКОВНИКУ В ОТСТАВКЕ, ПОЧЕТНОМУ СОТРУДНИКУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, СТАЖ СЛУЖБЫ КОТОРОГО НА ОПЕРАТИВНЫХ И РУКОВОДЯЩИХ ДОЛЖНОСТЯХ В УПРАВЛЕНИИ КГБ СССР ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ – 50 ЛЕТ. ЕГО РАССКАЗ С НЕКОТОРЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ ПУБЛИКУЕТСЯ В ЭТОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА.

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ И ХЛЕБНЫЕ КАРТОЧКИ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ ХЛЕБОПЕЧЕНИЯ

Когда началась Великая Отечественная война, наша семья жила на Малоохтинском проспекте, в отдельном бревенчатом одноэтажном доме, который стоял недалеко от железнодорожного моста через реку Нева (сейчас эта улица называется Таллинской).

Я уже ходил в школу, во 2-й класс. Рос я физически сильным, выносливым, крепким.

После занятий в школе летом 1941 года семья начала готовиться к выезду на дачу, за г. Ломоносов в поселок Большие Ижоры. Но..! Мы, дети, еще крепко спали, когда началась Великая Отечественная война.

Утром проснулся, встал, дома была мать и младший брат. Мне показалось, что мать чем-то очень расстроена. покормив меня, она сказала: «Война началась» Я опешил и переспросил: «Как война?» Мать, помолчав, ответила: «С немцами». Потом говорит: «Иди на улицу к ребятам, там больше узнаешь». Дома у нас радио не было.

Я выбежал на улицу и направился к месту наших постоянных встреч, издали заметил, что там уже находится группа мальчишек 12–15 человек. Все одновременно кричали, говорили, размахивали руками, двигались. Настрое-ние возбужденно-патриотическое, навеянное предвоенными песнями «Три танкиста», «Если завтра война...» и другими. Мы тогда еще не могли осознать, какое горе принесет война каждому из нас, нашим семьям, городу, стране.

Стали уходить на войну родные, близкие люди, отец, братья. Мать за эти дни осунулась, постарела, она думала, как будем жить дальше. Наша мать никогда не работала, а занималась детьми, родила их 8 человек. Семью кормил отец.

В начале июля 1941 года вышло распоряжение всех детей вывозить из города в деревни, организовано, школами. Нас с четырехлетним братом вывезли вместе с моим классом в Новгородскую или Псковскую область в сопровождении учителей. Сначала

ЖИТЕЛИ ЛЕНИНГРАДА СЛУШАЮТ ОБЪЯВЛЕНИЕ ПО РАДИО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО СООБЩЕНИЯ О НАПАДЕНИИ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

мы ехали в пассажирских вагонах, на одной из станций нас высадили и высадили по подводам. Проехав поселок, подводы углубились в лес. По узкой лесной дороге долго ехали. Наконец показали первые дома деревни. Это была такая глушь, что после города жить там было очень скучно.

Через 10–12 дней в деревню стали приезжать родители, приехала и наша мать. Как они смогли найти эту деревню, мы, дети, поразились.

При возвращении, добравшись до станции, нам удалось втиснуться в грузовой железнодорожный состав, в основном состоящий из грузовых платформ без груза. На каждой платформе было очень много людей, в основном женщины, дети, старики. Проехали 50–60 км, вдруг из-за леса вынырнул немецкий самолет, залетел в хвост нашего эшелона. Летя на низкой высоте вдоль нашего состава, летчик безжалостно стрелял по живой, незащитной, огромной массе людей. Поезд остановился, некоторые высказывали и убежали в лес, наша семья оставалась на

платформе. Расстреляв эшелон, фашист улетел в сторону леса. Машинист дал 3 гудка, и мы поехали дальше.

Проехали около 10 км, и вновь над эшелонном появился фашистский летчик, вновь фашист поливал свинцом из пулеметов, не щадя ни живых, ни мертвых. Из нашей семьи никто серьезно не пострадал, а в эшелоне были сотни убитых и раненых. Взрослые говорили, что летчик все видел и творил это бесчеловечное преступление сознательно. И когда мне приходится вспоминать это варварское событие, оно, как живое, стоит перед моими глазами, до сих пор слово «немец» ассоциируется со словом «фашист» в моем сознании.

В городе уже знали о трагических событиях, и нашему эшелону дали «зеленую улицу», нас ждали медицинские и другие службы. Меня с матерью наскоро перевязали и отпустили домой, младшего брата мать закрывала своим телом. Сейчас на месте этого события поставлен памятный знак.

Вернувшись домой, мы несколько дней приходили в себя. За время

моего отсутствия наш микрорайон подготовился к отпору фашистским захватчикам: на чердаках домов поставили ящики с песком, бочки с водой, инструмент для борьбы с зажигательными бомбами. На пересечении улиц Таллинской и Стахановцев вы-

рыли противотанковый ров, который перекрывал проход танков на Новочеркасский и Заневский проспекты. На том месте, где сейчас находится метро «Заневский проспект», был построен огромный дот с амбразурами на все направления обстрела.

Усилилась охрана железнодорожного моста, а главное, на правой стороне от железнодорожной насыпи была установлена зенитная батарея, где бойцами-зенитчиками были молодые девушки-добровольцы лет 17–20. Благодаря их героическим усилиям за все годы войны фашистам так и не удалось разрушить мост. К великому сожалению, некоторые из девушек погибли, умерли от голода, их прах и души покоятся на воинском участке Киневеевского кладбища. Легкое им лежание!

Шел август 1941 года, все приближалась война к городу. Участились налеты тяжелых бомбардировщиков фашистской авиации. В один день разрушили сразу два госпиталя с ранеными. Это на Суворовском проспекте, 52 и на Малой Охте, на Республиканской улице, где госпиталь находился в бывшей школе. Были страшные разрушения и пожары, погибло очень много, много раненых.

На дома на Таллинской улице фашистская авиация в основном сбрасывала зажигательные бомбы, поэтому приходилось много дежурить на чердаках, крышах. Мы, мальчишки, вместе со взрослыми гасили «зажигалки», сбрасывая их с крыш домов на землю. В основном мы успешно справлялись с этой работой, ни один дом не сгорел в нашем микрорайоне.

В один из дней августа в нашем доме появился в военной форме, с оружием мой старший двоюродный брат, Дмитрий, который рассказал, что их добровольческий батальон встретился в бою под Псковом с немцами и был ими разбит. Несмотря на поражение, он был настроен патриотично и заявил, что все равно мы разобьем и победим немцев.

Мы долго о нем ничего не слышали, только когда моя тетя (сестра отца) вернулась в 1945 году в Ленинград и пошла в военкомат, ей сразу вручили 4 похоронки – на мужа и трех сыновей. Одним из них и был Дмитрий Шохин. Он уже был командиром батальона, капитаном и погиб в 1944 году на подходах к Берлину.

ПАМЯТНИК НА КИНОВЕЕВСКОМ КЛАДБИЩЕ НА МЕСТЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ДЕВУШЕК-ЗЕНИТЧИЦ, ПОГИБШИХ ПРИ ОБОРОНЕ ЛЕНИНГРАДА

Неожиданно с войны вернулся отец. Вышло постановление правительства, что рабочих доменно-мартеновских цехов необходимо вернуть на рабочие места. Для семьи это, конечно, была радость, мать повеселела и ожила. На другой день отец ушел на работу и домой стал приходить редко (казарменное положение).

Однажды после дежурства на крыше дома мы с другом решили пройти на Новочеркасский проспект, но в районе Стахановской улицы нас застал артобстрел. Мы легли на землю и спрятались за какой-то предмет из железобетона. Недалеко от нас разорвался снаряд или бомба, мы точно не поняли, взрывной волной нас отбросило в противотанковый ров. На наше счастье, он был заполнен водой, подбежавшие люди вытащили нас оттуда.

Мы отделались легкими ушибами и ссадинами. Придя домой и получив очередную взбучку от матери, я переоделся и вскоре стал замечать, что плохо слышу на оба уха. Дня три водили по врачам, но слух вскоре сам восстановился. Мать стала замечать, что на голове у меня стали появляться седые волосы. Приблизительно к ноябрю-декабрю волосы на голове у меня стали все седыми.

Отец все реже и реже стал появляться дома, лишь когда приносил продовольственные карточки и деньги.

В конце августа мать, которая выросла в крестьянской семье и пережила не один голод, сказала нам: «Пойдем на совхозные поля, там уже убрали урожай, будем собирать зеленый лист, кочерыжки...» Мы 2–3 дня ходили на поля, собирали в мешки зеленый капустный лист, кочерыжки. Когда возвращались с грузом домой, ребята надо мной подсмеивались, а соседи говорили матери: «И вы будете есть эту хряпу?...» Мы отмалчивались. Сами же, хорошо промыв, нарезали листья мелко и засолили вместе с кочерыжками бочку ведер на 6–7. Потом в тяжелые, голодные дни блокады многие приходили и просили дать хотя бы ложечку. Давали.

ЖИТЕЛИ ЛЕНИНГРАДА РАЗБИРАЮТ ЗАВАЛЫ И ТУШАТ ПОЖАРЫ ПОСЛЕ НАЛЕТОВ ГИТЛЕРОВСКОЙ АВИАЦИИ. ДЕКАБРЬ 1942 ГОДА

Закончив с капустным листом, мы пошли на картофельное поле. Перекапывая уже убранные грядки, мы находили в земле по одной, по две картошки и так за несколько дней накопили полтора мешка. На этот раз над нами уже никто не смеялся, соседи, как и мы, перекапывали поле и искали картошку, потому что обеспечение продовольствиями ухудшалось с каждым днем. Кроме того, мать с младшим братом уходили за железную дорогу в лесную зону, и она там собирала разные лечебные травы, в которых хорошо разбираюсь, а затем сушила.

Налеты фашистских самолетов все учащались. Каждый раз при налете фашисты старались разбомбить железнодорожный мост, но благодаря активным действиям девушек-зенитчиц немцам так ни разу не удалось попасть в цель.

После бомбежки оглушенную рыбу прибывало к этому мосту, а тогда в Неве она была крупная. Выждав, когда самолеты покидали наш район, мы устремлялись к берегу и ловили оглушенную рыбу. Домой я приносил от 3 до 5 кг.

Мать ее солила. Таким образом, мы запасли рыбы килограмм 20–25.

Этот «стратегический запас» – капуста, картошка, рыба – в дальнейшем сыграл исключительно важное значение для нашего выживания в самые голодные, тяжелые блокадные дни.

В конце августа или начале сентября мы стали свидетелями первого воздушного боя между нашим истребителем и фашистом. Недалеко от железнодорожного моста, прямо над Невой начался бой. Самолеты 5–7 минут маневрировали, затем наш истребитель совершил удачный маневр и сбил фашиста. Нашей радости не было предела, но неожиданно откуда-то появился 2-й фашистский самолет и сбил нашего ястребка. Он задымился и обьятый пламенем полетел в сторону рабочего поселка, упал на лесисто-болотистую местность.

Сбитый немецкий самолет упал в Неву, а летчика на парашюте отнесло в нашу сторону, и он, зацепившись за крышу дома, завис между 4 и 5 этажами. Если бы висел низко, то собравшаяся огромная масса людей разорвала бы

его в ключья. Вскоре приехали военные, сняли фашиста и с парашютом увезли.

После этого группа мальчишек побежали к месту падения нашего ястребка. Там уже стояло человек 150–180 у огромной воронки. Самолет глубоко ушел в землю. Взрослые стояли беспомощно, не зная, что можно в этой ситуации сделать. Дальнейшую судьбу этого самолета я не знаю, помню, что взрослые и дети были очень глубоко потрясены этой первой наглядной жертвой войны.

Война с каждым днем все настойчивее, зримо обозначала свою жестокость. Шел сентябрь, мы пошли в школу, но ненадолго. Участились налеты фашистской авиации, были огромные разрушения. В один из дней было сразу уничтожено 2 военных госпиталя, на Суворовском проспекте и на Республиканской улице (Малая Охта). Мы бегали на Суворовский проспект. Там лежались сотни раненых, большинство из них погибли, и это было очень страшное зрелище, которое рождало в душе огромную ненависть к фашистам.

Многие семьи с детьми уезжали из города в восточном направлении. Наша детская компания значительно сократилась, прекратились сборы, осталось 3–5 человек. При редких встречах раз-

говоры в основном велись о еде, продовольствии и т.д.

К этому времени в семье четко распределились обязанности по дому. Я, как «самый грамотный», отвечал за продовольственные карточки, их получение и отоваривание. Подвоз продуктов в магазины резко сократился, приходилось в очереди стоять часами, уменьшилась норма выдачи продовольствия на человека, появились категории: рабочие карточки, детские, иждивенцы. Чувствовалось приближение голода. А мать с младшим братом продолжали заготовку трав, особенно им удалось засушить много крапивы.

Отца официально перевели на карженное положение, поэтому общенные осуществлялось знаками через Неву.

Немецко-фашистские самолеты стали совершать вечерние налеты и бомбардировки города. Изо дня в день в 20 часов вечера – налет, тревога, бомбардировка, попытка разрушить мост. Постоянные артобстрелы. По-прежнему мы с другом утром бежали на берег Невы в надежде найти оглушенную рыбу, однако это редко удавалось.

За нашим домом в метрах 200–250 росло несколько берез. И вот мы с другом стали замечать, что во время ве-

черного налета фашистских самолетов при их приближении к железнодорожному мосту из-под берез в сторону моста взлетала красная ракета. Мы стали наблюдать за этим местом, но человека мы заметить так и не смогли, он будто сквозь землю проваливался.

Однажды я стоял в очереди в гастроном, в надежде, что, возможно, к вечеру что-нибудь подвезут из продуктов. Увидел, что по набережной идет военный патруль, два солдата-пехотинца и моряк в бескозырке. Я подошел к ним и подробно объяснил ситуацию с «ракетчиком». Они внимательно меня выслушали и согласились пройти изучить местность.

Мы провели их скрытно к заводу, и оттуда они внимательно изучали обстановку. Нас отослали подальше в разные стороны. Через 20–30 минут услышали гул приближающихся немецких самолетов, затем два винтовочных выстрела, шум, крики у берез. Когда мы прибежали, то увидели, что на земле лежит человек, раненный в ногу, рядом ракетница, пистолет, а в 6–8 метрах от берез виден вырытый вертикально окоп с углублением в стороны и круглая крышка деревянная в диаметре около метра, сверху обложенная хорошо закрепленным дерном. Матрос прикрыл окоп крышкой и строго нам наказал: «Туда не лазить, утром приедут военные и обратятся к вам».

Утром действительно приехали военные, вызвали меня, и я их отвел к окопу. Они долго внимательно изучали место около берез, нашли там несколько пустых гильз от ракетницы, затем тщательным образом обследовали окоп, внутри нашли ракетницу с патронами, бутылку водки и пакет с продуктами. Водку военные забрали себе, а продукты отдали нам. Поблагодарили, пожали руки и отпустили нас домой.

Но вот кольцо вражеских войск замкнулось вокруг города окончательно, появилось в обиходе страшное слово «блокада». Участились налеты фашистской авиации, артобстрелы, уменьшался продовольственный паек,

РИА НОВОСТИ

ЖИТЕЛИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА ВЫХОДЯТ ИЗ БОМБОУБЕЖИЩА ПОСЛЕ ОТБОЯ ТРЕВОГИ. ДЕКАБРЬ 1942 ГОДА

удлинились очереди в магазинах, где разговоры велись в основном о том, что и где можно достать, купить, обменять.

Появилось новое непонятное слово «дуранда» – это то, что остается после того, когда из семян различных растений выдавливают масло, т.е. «жмых». Многие спрашивали, где можно достать «дуранду». Стоя в очереди, я узнал, что в Перевозном переулке, где была скотобойня, открыли старые ямы, куда до войны выбрасывали внутренности разных животных. Я сбегал туда и увидел, что люди черпают из ямы разложившуюся кроваво-серую массу. Даже прокипятив, люди ели ее и умирали от страшных болей в животе. Вскоре там выставили пост милиции и вновь зарыли яму.

Октябрь принес похолодание. Ежедневные бомбежки, артобстрелы пригнали страх, к ним привыкли, жизнь продолжалась. Многие мои друзья слегли. Посещая их и разговаривая с ними, я понял, что их беда – в отсутствии у них забот, интереса, они просто опустили руки, длительное лежание убивает. Мне порой тоже очень хотелось лежать и лежать, но я не мог себе это позволить, так как мне надо было затопить с утра плиту, потом бежать занимать очередь в магазины, стоять там часами, получить продукты, а главное – сохранить их и принести домой маленькому брату и матери.

Мать постоянно переживала, боялась, чтобы у меня не отняли продукты, и говорила при этом: «Ты им лучше отдай все, чтобы не били». Я «их» уже очень хорошо знал, они всегда стояли на улице у выхода из магазина. Поэтому мы собирались по несколько человек и сразу же все вместе выходили из магазина, готовые к защите.

Мать ужесточила использование нашего стратегического продовольственного запаса. По утрам обязательно давала раньше по 2, а сейчас по 1 ложке капусты (хряпы) из зеленого листа. Вкуснее вроде бы в жизни ничего не ели. В супы, которые готовила мать, она, как правило, добавляла мелко на-

ЗЕНИТНАЯ БАТАРЕЯ В ЦЕНТРЕ ГОРОДА НА СТРЕЛКЕ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА. ФЕВРАЛЬ 1942 ГОДА

резанную сушеную крапиву, кипяток заваривала разными высушенными травами. Это помогало поддерживать наш слабеющий организм и защищать от разных болезней.

В ноябре усилились морозы. Нева встала, жизнь становилась все труднее и труднее. Все стали ощущать постоянное чувство голода, внешний вид людей резко изменился: у одних худоба, а у других опухшие ноги, лица и т.д. 7 ноября ко мне в гости пришел мой лучший друг Коля Мурзин. Худой, бледный, болезненный. Мы его накормили, чем могли, напоили чаем с травами, отогрели, подняли жизненный дух. Когда я пошел его провожать домой, он сказал: «Все хорошо, вкусная капуста, чай, тепло, но, если можно бы сейчас курнуть настоящую папироску, и умереть можно было бы». Он был старше меня на два года и втянулся в курево еще до войны. Через несколько дней он умер. Так появились первые смерти от голода, которые быстро стали множиться.

Смерть Николая произвела на меня тяжелое впечатление. Я еще раз понял отчетливо: выжить в условиях блокады Ленинграда возможно только при проявлении упорства, воли, инициативы, но ни в коем случае не при состоянии покоя.

Неожиданно для нас пришел домой отец, аж на два дня. Нашей радости не было предела. Кроме того, он принес заработную плату за несколько месяцев и понемногу разных продуктов, передал мне 15 пачек папирос (сам отец не курил). При этом он сказал: «Говорят, их можно обменять на хлеб, попробуй».

Как-то в очереди я узнал, что в Овсянниковском саду собирается рынок, где идет обмен «что» на «что». Подготовив небольшую вязанку дров, я отправился на рынок (хотя мать категорически была против), папиросы с собой не взял.

Человек сто ходили, присматривались, предлагали «что» на «что». К моему товару интерес был, но в основном предлагали разные вещи, а была

нужна еда. Наконец подошла женщина и предложила стеклянную банку шелухи от зерен овса. Конечно, она малокалорийная, но все же суп сварить можно. Подумав, я согласился. Домой возвращался очень усталым, обессиленным. Хотелось сесть на санки отдохнуть, но я уже четко знал: сел, уснул – и «Пискаревка».

На проспекте Обуховской Обороны, на дороге, которая вела к воротам мельнично-мукомольного комбината, я обратил внимание на двух женщин, которые медленно ходили по дороге к воротам и обратно. Это меня заинтересовало. Подошел к ним и увидел, что у женщин на шее на веревочке висят стеклянные баночки, в которые они собирают зерна пшеницы, ржи, овса и т.д., выпавшие из кузова автомашин на тряской дороге до ворот мельницы. Я взял себе это на заметку. Мать с братом очень обрадовались моему возвращению. А я лег спать и сразу уснул.

Проснулся поздно. Сходил в булочную, гастроном. Получил нашу долю хлеба и вернулся домой. Мать, когда я зашел в дом, говорит мне: «Сходил бы ты завтра к зенитчикам, там много мо-

лоденьких девушек, пригласи их в дом погреться». На другой день я отправился на зенитную батарею. При входе я увидел часового и пожилого военного, обратился к ним и сказал: «Я живу недалеко отсюда в деревянном доме, мать приглашает девушек и всех, кто захочет погреться, приходите к нам в дом». Выслушав меня, военный постарше сказал: «Ладно, подумаем, предложение одобряем».

На следующий день военный пришел в гости сам. У нас при входе в дом, в большой комнате, слева находилась плита из 2 конфорок, лежанки 30–40 см и духовки из кирпича, там всегда стоял теплый чайник. Мы усадили его у плиты, на скамейку, я подбросил дров. Он попил чаю и остался всем очень доволен. Перед уходом достал из внутреннего кармана полушубка завернутый в тряпочку пакет, в нем было 250–300 граммов отрубей и кусок «дуранды». Передав все матери, сказал: «Корми детей, а девушки, по возможности, будут приходиться греться». Сказал «спасибо» и ушел.

На другой день, робко постучав, вошли две девушки-зенитчицы, по-

здоровались. Мать сразу же усадила их на скамейку вдоль плиты, дала ложку квашеной капусты, а затем налила по кружке чая. Немного приободрились, но их стало клонить в сон. Одна из них сказала: «Немного, полчаса», но их разбудили чуть попозже. Посидев несколько минут, девушки встали, поблагодарили нас и быстро вышли из дома, при этом сказав: «Мы как дома побывали!»

В дальнейшем зенитчицы стали постоянными нашими гостями, приходили 2–3 раза в неделю, по двое-трое, мать усаживала их на скамейку вдоль плиты, я подбрасывал дров, она наливала им горячий чай, они доставали свои сухари и с удовольствием пили чай (военным в это время выдавали вместо хлеба 225 граммов сухарей). Не было ни одного случая, чтобы бойцы-зенитчицы, полуголодные, худые, опухшие от недоедания, не угостили бы моего четырехлетнего младшего брата кусочком сухаря. Периодически они приносили от «завхоза» немного отрубей, кусочек «дуранды».

Конец ноября, декабрь 1941 года. Увеличилась смертность ленинградцев. Погибших, умерших находили везде, особенно на первых этажах – силы кончались, люди садились на ступеньки и больше не вставали. На улице много погибших было по дороге к магазинам. По дороге в булочную я ежедневно видел такую картину...

До начала войны на берегу Невы, напротив Таллинской улицы, было построено большое складское помещение. Теперь сандружина собирала погибших, укладывала их в этот склад, оттуда периодически увозила тела умерших на «Пискаревку». Я стал ходить на левый берег Невы к мукомольному комбинату, на дороге к воротам мельницы собирал редкие, упавшие из автомашины зерна. Когда приезжало больше автомашин, то и мы больше собирали, порой 100–150 граммов. Один раз мне сильно повезло: грузчик, сидевший в кузове, увидев меня, высыпал прямо из мешка 2 порции зерна, и я на-

РИА НОВОСТИ

СОЛДАТЫ РАЗГРУЖАЮТ ЯЩИКИ С ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ НА СКЛАДЕ НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ. ДЕКАБРЬ 1942 ГОДА

собирал целую пол-литровую банку зерен ржи. Дома, конечно, обрадовались такой удаче. Мы три раза из них варили суп, добавляя туда сушеной крапивы.

Наши стратегические запасы медлененно, но таяли. Мать по утрам, но уже через день, давала нам с братом по ложке квашеной капусты.

Отец домой долго не приходил, и я пошел к нему сам. На проходной пропустили, пошел в цех. Отец страшно обрадовался, мы долго говорили. Потом отец кое-чем меня накормил, дал с собой немного разных продуктов и еще 5 пачек папирос и проводил до Невы.

У меня накопилось 20 пачек папирос, и я каждый день думал, как мне решить этот вопрос. На рынок идти боялся, там могли отнять и еще наподождать как следует. Решил 5 пачек отдать завхозу зенитчиков. В отношении других решил обратиться к извозчику, который возит хлеб в нашу булочную. В один из дней, когда он подъехал к булочной со двора, я подошел к нему и сказал: «Есть папиросы «Ракета» 5 пачек». Он подумал немного и сказал: «Одна буханка». Я обрадовался, отдал ему папиросы, а он мне хлеб. Придя

домой, я передал матери хлеб и объяснил правила обмена. Она осталась очень довольна, дала нам с братом по маленькому кусочку, а остальное, изрезав, посушила на сухари.

Смерть с каждым днем множилась; по дороге к булочной, гастроному, домой на тротуарах лежали погибшие, в разных позах замороженные люди.

Зенитчицы продолжали придти греться, пить чай. Редко заходил «завхоз», он очень обрадовался моему подарку. На следующий день принес сухарь младшему брату, а мне кусок «дуранды».

Незаметно подкрался Новый, 1942 год. Отец обещался прийти, но не получилось. Заглянули зенитчицы, принесли подарки, попили чаю с сухарями.

Начало 1942 года никаких облегчений не принесло, стало тяжелее.

Неожиданно 9–10 февраля дома появился отец, сказал, что отпустили на 2 дня (младшему брату 16 февраля исполнилось 5 лет). Он сильно сдал, по внешнему виду это было очень заметно, но был деловит, энергичен, сразу же стал заниматься разными делами по дому. Рано утром он с соседом ушел по делам.

К вечеру и к ночи они не вернулись. На другой день появился сосед и рассказал, что они с отцом попали под артобстрел. В укрытие, в котором они находились, попал снаряд, отца и его ранило, их отвезли в госпиталь на Суворовском проспекте. Соседа осмотрели, перевязали и отпустили домой, про отца он коротко сказал: «Его сильно ранило».

Мы разыскали нужного нам врача, который объяснил нам причину смерти отца: «Он получил тяжелое осколочное ранение от снаряда, и ему сильно раздавило грудь упавшими частями перекрытия». Когда врач вручал документы, он объяснил, что отца могут похоронить в братской могиле на «Пискаревке». Мать не согласилась и договорилась, что тело отца мы заберем через 2–3 дня. Она все повторяла: «Надо похоронить так, как положено». Через 3 дня отца похоронили, как и положено, в отдельной могиле на Малоохтинском кладбище – сейчас это Новочеркасский проспект, дом 12.

Похороны отняли много сил и наших возможностей. Мать слегла, ее, вероятно, мучил вопрос, как жить дальше, как растить детей, кормить, она ведь никогда не работала.

Приходили девушки-зенитчицы, подбадривали ее, делали кое-какую домашнюю работу. Через несколько дней пришли мужчина и женщина с работы отца. Принесли деньги, отцовскую рабочую карточку и немного сухарей и крупы. Прошло несколько дней, мать стала вставать, потихоньку приобщаться к делу. Жизнь двигалась вперед. Я возобновил походы в булочную и гастроном. В очереди от нескольких человек услышал вопрос: «Где достать олифы?»

Сначала я этому не придавал должного значения, но вечером перед сном эта мысль почему-то вернулась ко мне снова, и я постепенно кое-что вспомнил. Ведь перед войной в подвале строящегося здания я видел стеклянные бутылки с олифой... Меня охватила дрожь, я плохо спал, часто просыпался, с нетерпением ждал, когда будет светло.

РИА НОВОСТИ

ЖИТЕЛИ БЛОКАДНОГО ГОРОДА НАБИРАЮТ ВОДУ ИЗ ПРОБИТОГО ПРИ ОБСТРЕЛЕ ВОДОПРОВОДА. ДЕКАБРЬ 1941 ГОДА

ПАМЯТНИК ДЕТАМ, ПОГИБШИМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, НА СТАНЦИИ ЛЫЧКОВО

Утром, попив чаю и перекусив, взял бидон 5 литров, с которым постоянно ходил на Неву за водой, и быстро ушел.

Дом давно не охранялся, все, что можно было деревянного в нем взять, было взято для топлива. Пробрался в подвал, с замиранием сердца прошел в конец, к стенке. Я остолбенел. Бутылка стояла на том же месте. Я еще раз прочитал надпись «Олифа. Высший сорт». В течение 2 дней я перенес содержимое бутылки и саму бутылку домой.

Это было наше спасение. Мать отлила немного олифы в маленькую посуду и прокипятит. После того, как олифа остыла, мать попробовала ее на вкус и сказала: «Масло». На другой день пришли зенитчицы, они тоже попробовали и сказали: «Масло». Когда они уходили,

я передал им бутылку и сказал: «Передайте завхозу на пробу и пусть завтра приходит с тарой». В дальнейшем я передал военным и близким друзьям литров 10–12. Иногда удавалось обменять олифу на хлеб и другие продукты.

На этой олифе мы готовили все, что можно употреблять в пищу, даже жарили ремни. Рецепт: кожаный ремень режем на небольшие дольки, отмачиваем несколько дней, периодически меняем воду. Затем кипятим и долго варим, пока он не станет толстым. Далее жарим на масле и ешь. Жарка на олифе, по сравнению с растительным маслом, отличается тем, что олифа дает много пены.

Ежедневная тяжелая борьба за существование, постоянное чувство голода

и болезненное состояние – это все сглаживало чувство боли от гибели отца. Писем с фронта тоже не было.

Сходил к мельнице, но в течение 2 часов не появилось ни одной автомашины. Домой вернулся ни с чем.

20–22 февраля с работы отца пришел мужчина, принес зарплату. Предложил матери работу и переехать в заводскую комнату всей семьей. Решили подумать.

24–25 февраля ночью к нам в дом пришел муж моей двоюродной сестры Иван Акимович Новиков. Он воевал в Ленинградской области, командовал партизанским отрядом. Командиры партизанских отрядов Ленинградской, Псковской и Новгородской областей прибыли в Ленинград на совещание, минуя все немецкие посты, партизаны провезли в город «Партизанский обоз с продовольствием». Он ничего не знал о семье, родных и близких. У него было совсем мало времени, он выслушивал наши сообщения, а сам из-за пазухи своего белого полушубка выкладывал разные продукты на стол – целую гору, килограммов 20. Для нас, блокадников, это было уму непостижимо, мы про такие продукты давно уже забыли. Этот неожиданный дар был спасением наших жизней. Попил чаю, перекусил, ушел в ночь. Я встретился с Иваном Акимовичем только в 1946 году.

Принесенные Иваном Акимовичем продукты мать взяла под строгий контроль – задача дотянуть до тепла. Но жизнь распорядилась по-своему. В марте, 25–26 числа, к нам в дом постучалась и вошла женщина, закутанная в несколько платков, спросила Морозовых и сразу села на скамейку у плиты. Мать налила ей кружку чая. Выпив чай, женщина сказала «спасибо» и далее рассказала матери: «Есть постановление Правительства о том, что детей из города надо вывозить на Большую землю, а у вас погиб отец. Через два дня вы должны быть на Финляндском вокзале, а то продовольственные карточки на новый месяц не выдадут». Она передала матери все необходимые

документы, посоветовала, что взять с собой, выпила чаю и ушла.

Вечером мать сказала, что мне нужно сходить на работу к отцу и взять там документ, подтверждающий, что он работал, кем, где. Утром я пришел на завод, нашел начальника цеха, рассказал ему все про срочную эвакуацию. Он усадил меня в теплое место и через 1 час 30 минут принес мне документы, деньги (приличную по тому времени сумму) и сказал: «Это подарок семье от рабочих». Меня проводил до Невы, дал мне небольшой пакет с сухарями на дорогу. Спасибо им всем! Такое отношение людей, в такое тяжелое время, стало впоследствии жизненной наукой, опытом и пониманием, что в жизни главное – взаимопомощь.

Готовясь к отъезду, мать по неопытности допустила огромную ошибку, которая впоследствии отрицательно сказалась на нашей жизни. Она убрала большую часть денег, документов и ценностей в небольшой чемодан, а не спрятала их на наших телах.

Дом передали в распоряжение девушек-зенитчиц, которые проводили нас до Большеохтинского моста.

КОЛОННА ГРУЗОВИКОВ СЛЕДУЕТ В СУМЕРКАХ ПО «ДОРОГЕ ЖИЗНИ» НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ. 1942 ГОД

С большим трудом добрались до Финляндского вокзала, где нас, проверив документы, пропустили в пассажирский зал, который был набит «как сельди в бочке», но распорядитель нашла для нас местечко. 2–3 дня провели в зале ожидания. Затем поездом в пас-

сажирских вагонах доставили к Ладогге, в Кабону. К поезду подъезжали автомашины-полуторки. Нам помогли перебраться в них, по мере комплектования людей усаживали как можно больше. Затем автомашины отъезжали и следовали на «Дорогу жизни».

Меня поразило, что на берегу озера под открытым небом стояли огромные штабеля мешков с продовольствием. Наша колонна, проехав 5–6 км от берега, попала под немецкий артобстрел. Две автомашины ушли под лед в пробоины от фашистских снарядов.

Стоял сильный мороз. Когда нас подвезли к эшелону из грузовых вагонов, то многие, особенно дети, были настолько замерзшими, что самостоятельно не могли из автомашины перебраться в вагон-теплушку. Нас перенесли красноармейцы.

После того как всех разместили по вагонам, объяснили, где можно получить продпаек. Я взял у матери документы и получил большую коробку разных продуктов. При выдаче продуктов врачи объясняли нам, как нужно принимать пищу, больше пить воды и т.д.

Поезд тронулся. Куда нас повезли, никто из нас не знал.

РИА НОВОСТИ

ПОХОРОНЫ ЖЕРТВЫ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА. ОКТЯБРЬ 1943 ГОДА